

35-й взвод пересек границу префектур Гумма и Ниигата и отправился дальше на север, но в пути их застал внезапный снегопад

Для пущей безопасности ребята решили передвигаться только самыми безлюдными маршрутами, однако систем снеготаяния на таких дорогах не стояло, и в наметенных сугробах рисковал застрять даже шипованный автомобиль с цепями противоскольжения.

Когда Ока предложила остановиться и переждать бурю, Нагарэ тут же заявила, что знает отличное укромное местечко.

По предложению девушки ребята приехали в какую-то тихую деревушку, расположившуюся в низине между горами. Тут и там стояли жилые домики, однако деревенька все равно казалась заброшенной.

Ока остановила машину перед покосившимся, едва не разваливающимся домом, на входе в который висела до ужаса простая табличка: «Гостиница Фудзи, горячие источники».

Нагарэ выскочила из машины, бросила: «Пойду договариваться!» и юркнула в дом.

Остальные, разинув от удивления рты, уставились на дом.

— Это же хостел, да?

— Ага, он самый.

— Я видела такое... в довоенных документах.

— Самый сезон для катания на лыжах, только вот горнолыжного курорта я рядом что-то не вижу. Так что он тут совершенно не к месту.

— Дом разваливается...

Ребята с обеспокоенным видом высказали свои мысли.

— Только не говорите, что мы ночевать здесь будем... — У Оки при взгляде на дом задержалась щека.

В то же мгновение из дома вышла Нагарэ, пружинистой походкой подошла к ребятам и радостно развела руками.

— Они согласны! Мы можем остаться!

Ока молча подошла к ней и затрясла за плечи.

— Ты совсем глупая, что ли?!

— А?! Ты чего?!

— Куда нам сейчас в хостеле ночевать?! За нами погоня! Мы беглецы!

В ответ на весьма логичные доводы Нагарэ надула губы, свела кончики пальцев и жалобно взглянула на Оку.

— Но ведь на улице холодно. Как-то не очень в такой буран спать в машине. Тебе разве не хочется понежиться в источнике?

— Мы сюда не отдыхать приехали! Никто не собирался тут ночевать! Мы в бегах, так что логичнее всего без остановок ехать на базу! Кто знает, может, ищейки Инквизиции прямо за поворотом!

— Да не переживай ты, никто нас в такой буран не найдет. Да и хозяев хостела я отлично знаю.

— Нагарэ принялась рассказывать, как она нашла это место. — Когда я только стала главой ученического совета, то узнала про это место, когда разыскивала одно магическое наследие. По слухам, вода в местном источнике обладает целебными свойствами. Лечит любые болезни и травмы, снимает усталость и все такое. Чудеса, не так ли? — Нагарэ продолжила свой рассказ, будто сама пересказывала какой-то слух. — И когда я приехала сюда, то обнаружила этот хостел! А в истоке горячего источника — магическое наследие! По-хорошему надо было бы изъять его и арестовать хозяйку, но... — девушка воздела указательный палец и беспечно улыбнулась, — это ведь такой прекрасный источник, к тому же совершенно безвредный! Хозяйка рассказала, что наследие установили семь поколений назад ее предки, и в итоге я не решилась лишать эту бедную деревушку последнего источника развлечений.

— И что потом?

— А потом я согласилась закрыть глаза на существование этого наследия в обмен на возможность бывать тут бесплатно.

Ока опять затрясла Нагарэ за плечи.

— Это же преступление!

— Аха-ха-ха, Ока-тян, я ведь больше не инквизитор, а обычная беглая преступница. И ты, кстати, тоже, так что не придирайся к мелочам.

— Недостойно это для ученика Академии Антимагии, тем более главы учсовета!

Ока хоть и была проблемным ребенком, раньше служила охотником на ведьм, так что не могла просто так спустить Нагарэ ее проступки.

Однако остальные совсем не возражали, и уже поднялись по ступенькам на крыльцо хостела.

— Я уже так замерзла, что мне все равно. Мы все устали, давайте отдохнем в источнике.

— Такими темпами мы тут все в снеговиков превратимся. О, а что с оружием будем делать?

— Да пусть в машине лежат. А-а, ноги уже замерзли.

— Как вкусно пахнет... Мари, а тут кормят? Мы сможем поесть?

Ока даже растерялась.

— Эй! Вы чего все согласились?! Сейчас не время... — попыталась остановить она девушек, но те ее не послушали и скрылись за дверью.

— Мы все равно никуда не уедем, пока снег не закончится. Давай отдохнем, — положил ей руку на плечо Такеру.

— И ты туда же... Но ведь...

— Я рад, что ты за меня беспокоишься, но все вымотались. Да и ты сама за последний месяц толком не спала, верно? У тебя круги под глазами.

Ока потерла глаза, словно пытаясь скрыть это.

— Давай сегодня отмокнем в источнике, нормально поедим и отдохнем, — похлопал ее по плечу Такеру.

— Как скажешь... — Ока задумчиво почесала затылок и следом за остальными скрылась за дверями.

— ...

Оставшись один, Такеру опустил голову и глубоко вздохнул, стиснув кулаки, будто пытался что-то стерпеть.

То был не гнев и не раздражение, а нетерпение. От одной только мысли, какие страдания испытывает сейчас Кисэки, ему хотелось тут же броситься ей на выручку.

— Ты такой добряк, Кусанаги-кун, — вдруг раздался у него за спиной голос Нагарэ.

Стоило Такеру обернуться, как девушка поднялась на цыпочки и потрепала его по голове.

От неожиданности юноша растерянно заморгал. Он привык гладить других по голове, однако едва ли кто-то прежде трепал по голове его.

Нагарэ с довольной ухмылкой убрала руку и ласково посмотрела на Такеру. Тот отчего-то ужасно смутился и отвел глаза.

— Насчет Оки-тян ты прав, но больше всех отдохнуть надо тебе самому. Не перенапрягайся.

— Да нормально всё, я же в Академии Магии много спал. У меня сил больше осталось.

— Я не о том, — помотала головой Нагарэ. — Ты ведь волнуешься за сестру, так?

— Да, но... сейчас мы все равно ничего не сможем сделать.

— Кусанаги-кун. — Девушка перестала улыбаться и серьезно посмотрела на него.

Такеру напряженно вытянулся по струнке, но Нагарэ тут же опять расплылась в улыбке.

— Ты полагаешься на других, но этого недостаточно. Тебе нужно понять, каково это — позволить кому-либо баловать себя, иначе ты рано или поздно сломаешься.

— Баловать?

«И в чем разница?» — подумал Такеру.

— Эх, ничего не поделаешь... — с натянутой улыбкой вздохнула Нагарэ. — Вообще-то я надеялась, что это сделают Ока-тян или Сугинами-тян, но им не до этого, так что придется мне. Слушай, Кусанаги-кун, позволить себя баловать — это...

— А? Эй!

— Например, такое!

Нагарэ вдруг ухватила его за голову и прижала к своей груди.

Его щека прижалась к едва ощутимому под одеждой холмику, а нос защекотал сладковатый аромат. Такеру обомлел.

— А-ха-ха, прости уж, что я такая плоская.

— Ты чего?!

— Да ладно тебе. Просто немного помолчи и прижмись покрепче, — ласково погладила его по голове девушка.

Такеру не нашел в себе сил пошевелиться и подчинился.

— Тише, тише... Хороший мальчик. Было трудно, но ты отлично держался. Теперь все в порядке, можешь расслабиться.

— ...

— Я непременно сдержу свое обещание. Будет непросто, но благодаря принесенному тобой средству мы обязательно спасем Кисэки-тян.

— ...

— Приготовления уже идут... А ты пока можешь отдохнуть, — сладко пропела она ему на ухо.

Такеру ужасно смутился, но в то же время с его плеч как будто гора упала. К тому же ему было невероятно приятно, когда Нагарэ своей маленькой ладошкой гладила его по голове.

Подбадривали его часто, но обнимали ли когда-нибудь? Утешали ли?

Юноша невольно заплакал — видимо, сказалось то, что он все время подхлестывал себя и совсем не расслаблялся.

— Так тебя даже мое утешение проняло, — как обычно задорно рассмеялась Нагарэ. — Все понятно, отдыхай сегодня. Ты отлично держался все это время, так что денек отдыха Бог тебе позволит. А даже если и нет, то позволю я.

Прошла всего минута, но парень почувствовал облегчение. Парень блаженно прикрыл глаза, но тут же поспешно отодвинулся от Нагарэ.

— А-а... Прости, увлекся! — склонил он голову, вытирая бегущие из глаз слезы.

Нагарэ помахала рукой и захихикала:

— Пустяки. К тому же видеть, что Кусанаги-кун ведет себя как избалованный ребенок, — зрелище невероятное. У меня даже материнские инстинкты разыгрались.

— Ну... просто...

— Мне стало интересно, разозлятся Ока-тян и остальные девочки, если я, скажем, поцелую тебя лоб, и я не удержалась.

Нагарэ положила руки на щеки и завияляла бедрами.

Такеру густо покраснел. Он уже давно понял, что питает слабость к девушкам постарше, но даже подумать не мог, что его так смутят простые объятия с девушкой, которая старше всего на год. А от того, что по виду она вполне сошла бы за младшеклассницу, ему становилось еще стыднее.

— А ты в меня часом не влюбился? — с ухмылкой поинтересовалась Нагарэ.

— С чего бы?!

— Так ты не можешь устоять перед взрослым очарованием. Ясненько. Может и мне за тебя побороться, а? Ху-ху-ху, — засмеялась девушка, прикрыв рот ладонью. Теперь она говорила уже обычным своим тоном.

Вот уж точно загадочный человек.

Такеру уже хотел как обычно огрызнуться в ответ, но...

— Носитель. — Его неожиданно позвала Ляпис, которая стояла на крыльце. Лицо ее скрывал капюшон робы. — Простынешь. Давай войдем.

— Прости. Заждалась уже, наверное? — бросился к ней Такеру.

Когда он приблизился, девочка взяла его за рукав куртки.

— Что такое?

— Ничего... — уклончиво отозвалась Ляпис чуть погодя.

Некоторое время она молча держалась за его рукав, затем повернулась к двери и потянула юношу за собой.

Такеру стало слегка не по себе, но он не придавал этому значения и, открыв дверь, вошел в дом.

Когда Такеру и Ляпис скрылись внутри, Нагарэ еще какое-то время смотрела им вслед.

На ходу девочка тянула юношу за одежду, словно стараясь притянуть к себе.

— ...

Такеру вряд ли заметил, а вот Нагарэ прекрасно видела, что перед тем, как они направились внутрь, Ляпис кинула на нее пристальный взгляд.

Девушка отряхнулась от снега и подула на руки, согревая их.

— Все же она самую малость опасна. Что же делать... — пробормотала Нагарэ себе под нос и направилась за остальными.

Как только ребята собрались, их тут же провели в отведенную им комнату. Хозяйка оказалась вежливой и обходительной женщиной, а в доме царил такой порядок, какой и представить было нельзя по внешнему виду здания.

И все же хостел оставался хостелом. Дом изначально был частным, так что по сравнению с нормальной гостиницей казался маленьким, но в то же время куда более уютным.

И именно это помогло Такеру расслабиться окончательно. Просторности крупных гостиниц он предпочитал уют небольшого хостела.

— Но так ведь нельзя...

Такеру оглядел комнату и тотчас напрягся. Нет, в комнате было чисто прибрано, не царила какая-то давящая атмосфера или что-то в том роде — нет, это была традиционная комната со старомодным телевизором в углу, пожелтевшим от времени какэмоно на стене и котацу в центре. В общем, обычная уютная комната.

Проблема в данном случае заключалась в том, что она была одна.

Говорят, после семи лет мальчикам и девочкам нельзя спать вместе, так что ему крайне опасно делить комнату с семью девушками.

— Почему ты не попросила выделить две комнаты? — спросил он у Нагарэ.

— Так нельзя, Кусанаги-кун. Мы же в бегах, нам опасно разделяться. Что, если на нас во сне нападут?

— Тогда зачем мы тут вообще остановились?!

— Да не переживай ты так, хозяйка нас не сдаст. Иначе ведь ей бизнес не продолжить.

Судя по всему, хостел пользовался большой популярностью у пожилых людей. Для местных этот источник служил местом отдыха, так что в случае чего на их защиту, вероятно, встала бы не только хозяйка, но и вся деревня.

«Тогда тем более попроси вторую комнату!» — воскликнул про себя Такеру.

— Да ведь я тут единственный парень! Может, такое от меня и прозвучит странно, но подумай, к чему это может при... — начал он.

— А я... не против, — неуверенно подняла руку Мари, то и дело незаметно поглядывая на Такеру.

— И я... Я тоже. Только вы-выходи из комнаты, когда мы будем... переодеваться, — согласилась следом Усаги, смущенно закрывая лицо рукой.

— Отлично. Как пожелаете. Давайте устроим орг...

Икаруга собиралась сказать что-то неприличное, но Мари и Усаги синхронным ударом тапков заставили ее замолчать.

— Я тоже не возражаю. Глава права, всем вместе будет безопаснее, — серьезно сказала Ока.

— А мне без разницы, — равнодушно отозвалась Канария.

Девушки друг за другом вошли в комнату.

— Ого, а тут неплохо. Уютно так... А, не время восхищаться! Надо проверить, нет ли здесь жучков!

— Я потом заварю чай, раз уж тут есть чайник и листья. О, конфеты. Ракуган? Сладости по довоенным рецептам? Отлично.

Ока и Усаги, опустив вещи на пол, начали обследовать комнату.

Мари и Икаруга сложили сумки возле телевизора и тоже начали осматриваться.

— Хе-хе... Тут есть котацу. Отлично. Погодите-ка, за телевизор платить надо?! А пульт где?!

— Пульт нет, каналы переключаются кнопками на телевизоре. Обычные каналы бесплатны, платить нужно только за такие. — Икаруга сунула монетку в щель рядом с телевизором, и на экране тут же возник какой-то порнографический фильм.

— А-а-а! Зачем тут такие каналы?! Ого, большой какой... Он т-туда вошел?!

— По таким каналам самое то учиться. Хм, этот телевизор принимает цифровой сигнал. Он новый, просто оформлен под антикварный? Или на самом деле довоенный? В любом случае с этим хостелом стоит считаться.

— А поесть тут ничего нет? Я есть хочу. Усаги, приготовь что-нибудь. — Канария набила рот сладостями. — Рассыпчатые, но вкусные.

— И правда очень вкусные. Думаю, зеленый чай к ним подойдет лучше черного, — присоединилась к ней Усаги.

У них за спиной Ока задумчиво рассматривала пергамент на стене.

— Какой-то он все-таки подозрительный... А, поняла! Такеру, нам нельзя здесь останавливаться! Там внизу прикреплен талисман! Это точно моменталка для прослушки!

— ...

В комнате хостела чуть ли не мгновенно воцарился обычный для взвода хаос.

— Так что... я один переживал? — С опущенных от бессилия плеч Такеру соскользнула куртка.

— Хи-хи, стесняшка ты наша, — потыкала его локтем Нагарэ.

Мари и Усаги, начавшие разбирать вещи, тоже натянуто улыбнулись юноше.

— Не заморачивайся ты так, нам же не в одной кровати спать. И голым по комнате никто ходить не будет. Да и у тебя все уже как-то раз ночевали.

— Она права. Тут почти как в комнате взвода. Просто выходи, когда мы будем переодева... — тут Усаги осознала, что достала из сумки бюстгальтер, и поспешно затолкала его обратно.

Нагарэ хлопнула в ладоши, словно о чем-то вспомнила.

— То-очно, вы мне напомнили. — Когда все посмотрели на нее, девушка воздела указательный палец. — Хозяйка же зарезервировала нам время в онсэне.

— В источнике мы беззащитны... Спасибо ей за заботу, — кивнула в ответ Ока.

— Но на все у нас всего час, — натянуто улыбнулась Нагарэ.

— Отдохнуть хватит.

— Ага. Только мыться придется всем вместе, — совершенно спокойно добавила девушка.

Все остолбенели.

— У нас всего час. Мыться будем в женской половине, потому что практически все из нас девушки. Мужская половина сейчас занята.

Никто не проронил ни слова.

— Да не переживайте! Хозяйка разрешила сидеть в источнике в полотенцах! Вместе же безопаснее! Да и друг друга получше узнаем!

Нагарэ уже подхватила полотенце и сменную одежду.

Всего час на то, чтобы понежиться в горячем источнике. Выбора ни у кого не осталось.

Горячий источник. Сколько всего скрыто за простыми, казалось бы, словами.

Источники отличаются по составу — бывают серными, медными, щелочными, кислотными и даже радиоактивными, а также по цвету воды — есть синие и красные, молочно-белые и черные и другие.

Купание в источниках разрешено, ведь считается, что оно оказывает благотворное влияние на тело, однако все мнения субъективны и не кажутся обоснованными, если вообще не являются суевериями.

Однако некоторые из источников действительно оказывают заметное влияние на человека, из-за чего Инквизиция в последние несколько лет начала их проверять. Есть как незаконные хостелы, где для насыщения воды магией в источник устанавливают магическое наследие, так и места, где эффект проявляется сам по себе из-за близости с залежами минералов, которые поглощают магию. Даже если источник благотворно влияет на человека, Инквизиция принимает жесткие меры в отношении владельцев и заставляет прикрыть бизнес.

Подобные незаконные гостиницы обычно прибегают к различным ухищрениям, чтобы уменьшить объем испускаемой источниками магической силы. Однако...

— Они вообще ничего не скрывают? — ошеломленно прошептал Такеру, когда увидел источник.

Сам источник представлял собой обыкновенную купальню под открытым небом, наполненную молочно-белой с зеленым оттенком водой. Вот только вода эта в самом буквальном смысле светилась. Сверкал даже поднимающийся от поверхности пар, словно в нем кружили мириады светлячков.

Сами по себе частицы магической силы такой плотности, что их видно невооруженным глазом, в природе встречаются крайне редко. А значит, подобное явление вызвано магическим наследием.

— Прямо как фонтан восстановления здоровья из RPG...

Роскошь вроде покупки игр Такеру себе позволить не мог, но видел нечто подобное в еженедельном журнале с мангой, который читал, когда раз в месяц заглядывал в дешевую раменную.

Пока он поражался тому, что Нагарэ не доложила об этом месте, за спиной у него послышался шорох отодвигаемой двери.

— Ого, какая тут концентрация магической силы... атрибут у нее «Лечение», кажется. Какой же классный источник.

— Ага. Нашла его, когда искала источники в малообитаемых краях.

— Глава, только не говори, что ты сюда не за расследованием приезжала, а из-за увлечения...

— Ух ты, вода и правда сверкает.

— За такое на несколько лет посадить могут. Сили у нас нет, так что давайте возьмем немного воды с собой. Пригодится вместо аптечки.

— Почему все должны мыться вместе... Внутри такого обычая не было.

В купальню вошли девушки.

Со стороны все выглядело так, будто Такеру завел себе гарем, однако быть единственным парнем среди стольких девушек на самом деле было весьма тяжелым испытанием. Тем более в подобных ситуациях. Юноша неуверенно обернулся, увидел шесть девушек в полотенцах и немного расслабился.

Он по-прежнему не знал, куда девать взгляд, но полотенца надежно все закрывали, а густой пар еще больше мешал обзору.

«Если так подумать, смешанные бани — отличная штука. И вообще лучше особо не напрягаться, а то еще сочтут извращенцем», — подумал парень.

Такеру еще не подозревал, что его уже считают таковым.

— Что-то Кусанаги-кун не пытается ничего спрятать.

— О, и правда. Так даже не интересно.

Нагарэ и Икаруга разочарованно посмотрели на Такеру.

— Вы вообще кем меня считаете?! — возмутился тот.

— Извращенцем? — в один голос сказали они.

— Я не извращенец! Не извращенец! Я не настолько слаб духом, чтобы возбуждаться от такого! — запротестовал юноша.

— Вот как? Усаги, ему стимула не хватает.

— Э?

Икаруга подошла к Усаги, которая с предвкушением смотрела на воду, и сорвала с нее полотенце, оставив ее нагишом. Усаги рассеяно посмотрела на Такеру, затем опустила взгляд, миготом покраснела и попыталась закрыть грудь руками, но...

— И-и вперед!

— Хья?!

Икаруга толкнула ее прямо на Такеру.

Тот подался вперед, чтобы поддержать подругу, но поскользнулся на мокром полу, врезался в девушку и вместе с ней упал в источник.

Такеру упал на спину и едва не захлебнулся от ударившей в нос горячей воды.

— Ты что творишь, ду!.. — Юноша вынырнул из воды, открыл глаза и тут же уткнулся носом в пару каких-то огромных мокрых выпуклостей. Он схватился за них, чтобы убрать с лица, но сразу же понял, что это такое, и поспешно отдернул руки.

Даже после этого они остались на плаву, словно воздушные шарик.

В упор все было прекрасно видно даже сквозь пар.

— У-у... Мне вода в глаза попала... — пожаловалась Усаги, протирая глаза.

Этот жест, вкупе с мокрыми волосами и грудью, по которой стекала вода, зачаровал Такеру. Вместе с ее милым личиком и хрупкой фигурой это все производило невероятно аморальное впечатление. В это мгновение Такеру даже сквозь панику осознал, что Икаруга все время называла «очарованием большегрудой лоли».

Он относился к ней, как к младшей сестре, так что ничего такого прежде не замечал. Однако теперь, при ближайшем рассмотрении...

— Ха?!

Такеру заметил, что Икаруга смотрит на него, одними губами выговаривая слово «извращенец», мысленно чертыхнулся, притворился спокойным и взволнованно придвинулся к Усаги.

— Ты как, Усаги? Встать можешь?

Парень поднялся из воды и хотел было подать девушке руку, но в это мгновение она, наконец, открыла глаза... и тут же оторопело их распахнула.

Взгляд ее был направлен точно в пах Такеру. Во время падения в источник полотенце с его пояса куда-то пропало.

— Ау-у...

Усаги покраснела, как помидор, закрыла лицо руками, еще раз взглянула на «это» сквозь пальцы, после чего разрыдалась.

— Усаги?! Ты ударились?! — В порыве искреннего беспокойства Такеру придвинулся еще ближе, не подозревая о своем внешнем виде.

Когда «штука» Такеру придвинулась еще ближе, Усаги потеряла сознание и упала в воду. Парень решил, что она ранее ударилась головой, и кинулся к ней, однако теперь его увидели и остальные.

Взгляды девушек собрались на его паху.

— Та... Такеру, это же... — Мари покраснела, но глаз не отвела.

— Такеру!.. К-к-как, ч-что... — дрожащими губами проронила Ока, указывая на него пальцем.

— Что это такое большое? — искренне удивилась Канария, которая ничего об этом не знала.

— Ого. Неплохо, очень неплохо... Спасибо, боже. — Нагарэ почему-то сложила руки в молитве.

— Я уже все видела. Проверяла, когда он без сознания валялся, — невозмутимо отозвалась Икаруга.

Тут Такеру, наконец, опустил взгляд. К лицу его мгновенно прилила краска, и парень резко опустил в воду.

— Все не так!.. Я не... — промямлил он.

Мари и Икаруга покраснели от гнева.

— Хе-е, так ты большегрудых лоли вроде Усаги предпочитаешь. Такеру, то, что она девушка, еще не позволяет тебе возбуждаться. Она же твой товарищ.

— Это естественная реакция, так что ничего не поделаешь... Хотела бы я сказать, но тебя ведь ни время, ни место, ни взгляды товарищей не смутили... Ты обучался военным искусствам, разве нет? Я тебя живо в форму приведу и научу собой владеть!..

Девушки сердито хрустнули костяшками. Такеру побледнел. Все его мирские желания тут же улетучились.

Юноша начал было оправдываться, как вдруг заметил за спинами Оки, Мари и Канарии какую-то фигуру. Секундой позже с них сдернули полотенца, как недавно с Усаги.

— Попались!

Это оказалась Нагарэ.

— А!

— Кья!

— Эй!

— Ох.

Три девушки удивленно вскрикнули, одна отреагировала в своем стиле.

У Такеру волосы на голове встали дыбом от дурного предчувствия.

— А-ха-ха! Бум!

Нагарэ сорвала свое полотенце, толкнула девушек на Такеру, а затем прыгнула следом. Парень ужаснулся при виде пяти приближающихся девушек, однако не забыл внимательно осмотреть каждую.

«А-а, после этого меня опять ни за что избыют», — подумал Такеру, прежде чем на него рухнули девушки, и он опять скрылся под водой.

Пять минут спустя, когда шум в купальне наконец улегся, Такеру по самые плечи залез в горячую воду.

— Ах... Даже кости согрелись, — блаженно, как старый дед, протянул юный мечник.

Его спутницы отправились мыться. Из-за пара юноша видел их плохо, но радовался даже этому — все-таки возможность поглазеть на девушек в бане представлялась не так уж часто.

Усаги и Нагарэ удерживали и деловито терли мочалками Канарию, которая не хотела мыться.

Ока и Мари сидели бок о бок перед зеркалами на противоположной стене.

В купальне было не так уж тихо, однако Такеру ненароком все же услышал их разговор.

— Ока Отори, передай шампунь, — попросила Мари.

— А, погоди, не забирай. У меня же волосы длиннее. Я сейчас... — Ока принялась торопливо намыливать волосы.

Мари пристально посмотрела на нее.

— Что? Не смотри так, противно.

— Да так, ничего. Волосы у тебя красивые.

— М? Что это ты похвалить меня решила? Противно даже.

— Да хватит уже. Я всегда хвалю то, что считаю красивым. В отличие от тебя. — Мари стащила у Оки шампунь.

Та насупилась, но продолжила мыть волосы.

— Похвалу даже от тебя я противной не считаю... В детстве меня часто дразнили из-за цвета волос, но теперь он мне наоборот нравится.

— У тебя ведь с рождения такой цвет? Красивый, цвет заката напоминает.

— Это у меня от матери. Я ее совсем не знаю, но почему-то уверена в этом.

— ...

— Этот цвет я унаследовала от матери, которая пыталась меня защитить.

Ока рассказала Такеру, что во время битвы с Хохотуньей узнала о своем прошлом, но вдаваться в подробности не стала, сказала лишь, что ее мать была ведьмой.

— Хотя я даже не знаю, пыталась ли она меня защитить, — с горькой усмешкой поскребла щеку Ока. — Может, я просто хочу так думать. Может, она совсем не хотела рожать неизвестно чьего ребенка...

— Хм-м... — протянула Мари и хорошенько вспенила шампунь на волосах. — Я тоже не знаю своих настоящих родителей. Я же рассказывала, что выросла в приюте?

— Да, припоминаю что-то такое.

— Я понятия не имею, что они за люди, но все равно благодарна им. Может, они какие-нибудь отморозки. Может, я нежеланный ребенок. И все же здесь я сейчас именно благодаря им. «Спасибо, что подарили мне жизнь», — вполне достаточно так думать, на мой взгляд.

— ...

— Так что твоя жизнь тебе хоть немного нравится, то простого «спасибо» будет достаточно, — сказала Мари и принялась смывать шампунь с волос.

— Наверное, ты права... — Ока провела рукой по волосам. — Я собиралась их отрезать после того, как покончу с мстью, но... передумала. Лишь они и мое тело доказывают то, что я ее дочь.

— Угу. Я тоже считаю, что тебе лучше их оставить. Грех такую красоту состригать, — прямо заявила Мари и принялась мыться.

Ока какое-то время искоса на нее поглядывала, явно не решаясь сказать что-то.

— Э-э... спасибо. Я очень рада, что ты похвалила мои волосы, — наконец пересилила себя она.

От неожиданности Мари аж замерла.

Между девушками повисла неловкая пауза.

— Ты как-то внезапно перестала так грубо ко мне обращаться, — первой нарушила молчание

Мари.

— Д-да? Я и не заметила... Ну, больше незачем тебя так звать, мы же вроде на одной стороне...

— ...

— Д-да и к товарищам так не обращаются. — Ока смущенно опустила голову.

Мари искоса посмотрела на нее.

— Знаешь... Как бы сказать-то...

— ...

— Противно это, вот.

Ока от неожиданности вскинула голову, а Такеру съехал в воду.

— Что ты сказала?!

— Ну смотри. Ты вдруг стала такой честной, странно это, разве нет? Противно, противно. Да, так-то лучше. Меня не обманешь.

— А-а, да, точно, ты всегда такая! А ну верни шампунь, бачок с бензином!

— Сколько еще ты это прозвище вспоминать будешь?! Шампунь мне еще нужен! И кондиционер передай!

— Мылом обойдешься! У меня волосы ломкие, мне кондиционер нужнее!

— Не превозноси так свои волосы, любительница ан-панов!

Девушки, казалось, смогли наладить отношения, однако тут же вновь разругались.

«Может, оно и к лучшему», — с натянутой улыбкой подумал Такеру.

— Они отлично ладят, не думаешь?

— А-а!.. А, Сугинами, это ты? — удивился Такеру.

Он так увлекся наблюдением за Окой и Мари, что даже не заметил, как подошла Икаруга.

Девушка, лишь чутка прикрываясь полотенцем, погрузилась в воду.

И вновь Такеру пришлось отводить взгляд.

— Честно говоря, я немного завидую им за то, что у них есть с кем быть настолько прямолинейными.

— Да? У тебя ведь есть Усаги.

«И я», — хотел добавить юноша, но постеснялся.

— Я не могу говорить так же честно и прямолинейно, как они, — вздохнула Икаруга, продолжая с мрачным видом наблюдать за Окой и Мари. Обычно девушка все высказывала прямо, но то были лишь ее мысли, а не чувства. — Интересно, с каких пор мне стало страшно выказывать свои настоящие чувства...

«Наверняка после случившегося в Пятой лаборатории», — подумал Такеру.

Подавленность после встречи с Иской. Раскаяние. Именно эти чувства не давали покоя Икаруге. Она сбежала из лаборатории, которая служила ей и ее сестре домом, и отвернулась от своего прошлого, а когда наконец решила покончить с ним, понесла огромную утрату, которая и заставила ее отчаяться.

Естественно, что после всего случившегося она боялась действовать под влиянием своих чувств.

Икаруга приблизила лицо к лицу Такеру.

— Я ведь так и не поблагодарила тебя.

— М?

— Спасибо, что вернул Канарию.

«А, она про это», — подумал юноша. Он хотел было сказать, что не нужно его благодарить, но в это мгновение Икаруга придвинулась еще ближе, закрыла глаза и вдруг накрыла его губы своими.

— Т-т-ты что делаешь?

— В смысле? Это благодарственный поцелуй, — совершенно серьезно ответила девушка.

— Не нужно меня благодарить, правда! Я ведь ее привел просто потому, что захотел!

— М-м. Раз поцелуй тебя не устраивает, то что тогда устроит? Я на все готова. Может, грудью тебе что-нибудь сделать? — Икаруга приподняла свои большие груди, которые держались на воде, и слегка их помассировала. — Или тебя лучше ртом «отблагодарить»? Только на публике это как-то... потом последствия будут.

— Сугинами-сан, зачем ты предлагаешь мне сексуальные услуги?! Разве простого «спасибо» не достаточно?! — Такеру невольно переключился на вежливую речь. Потому что видел, что Икаруга совсем не шутила.

— Иначе я не успокоюсь. Кусанаги, в качестве благодарности я могу только отдать всю себя. Больше ничего мне в голову не приходит.

Икаруга была настроена серьезно, так что Такеру не решался резко ей отказать.

Она совершенно искренне предлагала в качестве благодарности сотворить нечто неприличное.

«Она что, просто не знает, как благодарить других?»

К такому выводу Такеру пришел, когда Икаруга сказала, что не может придумать ничего лучше. Он и забыл, что она тоже очень неуклюжа в общении.

Только он успокоился и задумался о том, что же делать, как в зоне для мытья поднялся шум.

— Эй! Канария-сан! Мы еще волосы не смыли!

— С меня хватит! Кожу щиплет! — Канария нагишом вышла из купальни. — Хмф... — перед тем, как скрыться за дверью, она обернулась и сердито зыркнула на Икаругу.

Когда дверь закрылась, Усаги вздохнула, а Нагарэ рассмеялась.

— ...

Икаруга почти по самый нос погрузилась в воду и забулькала.

По ее взгляду было очевидно, что она понятия не имеет, что делать.

Такеру впервые видел столь растерянную и в то же время милую Икаругу.

Такое лицо она делала только из-за Канарии.

Юноша спокойно положил руку на голову девушки.

— Я прекрасно понимаю, как тяжело быть откровенным. Только умные могут подобрать слова так, чтобы не оскорбить других, мне это не по силам. Поэтому я просто говорю все как есть. Ты же в глазах других — заносчивая особа, ход мыслей которой не предугадать. Ты как раз всегда подбираешь нужные слова.

— ...

— Но даже у меня бывают времена, когда прямолинейностью все не решить. Например, когда мне пришлось выбирать, убить Кисэки или нет.

Икаруга перестала булькать водой и посмотрела на Такеру.

— Тогда я только и мог, что обнять ее, подобрать нужные слова у меня не получалось... В этот раз это и были мои настоящие чувства. — Такеру смотрел на падающий с неба и тающий в горячей воде снег и вспоминал, как приставил меч к Кисэки. — Я люблю Кисэки. Но я хочу жить. Вместе с ней и своими товарищами... Вот что я на самом деле чувствую.

— ...

— Если бы я тогда убил Кисэки, то не был бы честен с собой. Я не мог просто так умереть.

Такеру убрал руку с головы Икаруги и вновь по плечи залез в воду.

Икаруга же наоборот чуть приподнялась и посмотрела на небо.

— Твоя сестра наверняка очень злится.

— Да. Но сейчас я могу только спасти ее и как следует извиниться.

— Она наверняка оскорблена и страдает даже сейчас.

— Скорее всего. Именно поэтому мне нужно подарить ей счастье, которое затмит все эти страдания.

Икаруга отвела взгляд от неба и посмотрела Такеру прямо в глаза.

— Почему ты такой сильный?

— Вовсе я не сильный... Я просто эгоистичный дурак, — с кривой усмешкой отозвался Такеру.

— ...

— И еще я не хочу ни о чем жалеть...

Такеру опять по рот погрузился в воду и забулькал.

Икаруга же поднялась.

— Не хочешь ни о чем жалеть... Да, верно.

Такеру поспешно отвел глаза, поскольку прикрыться она даже не пыталась.

— Я тоже не хочу жалеть. Никогда больше не хочу жалеть о том, чего не сделала.

При этих словах она, скорее всего, вспоминала об Иске.

Икаруга, расплескивая воду, вышла из источника, наверняка собираясь решившись на разговор с Канарией.

Поэтому Такеру лишь мысленно пожелал ей удачи.

— Кстати, Кусанаги. — Икаруга уже почти перешагнула через бортик, но вдруг замерла с занесенной ногой и обернулась. Затем свела пальцы в кольцо, поднесла руку ко рту и немного подвигала ей вперед-назад. — Точно не хочешь?

— Иди уже! — плеснул в нее водой Такеру.

Икаруга с довольной ухмылкой вышла из ванной.

В зоне для мытья по-прежнему было шумно, но источником Такеру пока наслаждался в одиночестве.

Снег валил не переставая. В общем, погода для горячего источника была идеальная.

Поскольку рядом никого не было, он мог сколь угодно паяться на девушек.

Это было наивысшее блаженство. Как-то раз они уже ездили на горячие источники, но впервые они могли наслаждаться ими так долго. Такеру был с ног до головы покрыт синяками, его мышцы были на пределе от излишнего применения Сомато, однако целебная вода все исцелила.

Такеру даже начал напевать что-то себе под нос.

— Хм-м, хм, хм-хм...

— Носитель.

— Хм?!

От неожиданности голос его сорвался.

В купальню незаметно вошла Ляпис. Без полотенца. Абсолютно голая. Пусть она и выглядела как маленькая девочка, Такеру все равно стало не по себе. Он вспомнил их поцелуй в Академии Магии.

Ляпис, расплескивая воду, молча подошла к Такеру.

— А тебе можно в воду? — Юноша предлагал ей пойти со всеми, когда они еще собирались в ванную, но она отказалась. — Ты же не заржавеешь, да? А-ха-ха...

— ...

Пока Такеру пытался скрыть смущение за неуместной шуткой, девочка повернулась к нему спиной. Его взгляду предстала маленькая милая попа, которая, впрочем, тут же скрылась под водой.

Иными словами, Ляпис села ему на колени.

Такеру невольно выдохнул.

— В ванной у меня на коленях лучше не сидеть...

— Почему?

— Мы же оба без одежды... Нельзя так.

— Понятно. Тебе не нравится.

Ляпис восприняла слова Такеру как отказ, послушно слезла с коленей и села рядом, обхватив колени. Более того, начала булькать водой, как только что делала Икаруга.

Она вела себя почти так же, как в Академии Магии. В тот раз она была недовольна как меч, как магическое наследие. Однако в этот раз причина явно была не в этом.

«Может, она дуется из-за того, что я оставил ее одну?..»

Такеру со всей серьезностью собирался принять ее и как меч, и как личность, но... сейчас испытывал какую-то неловкость.

— Ляпис, я же сержусь, садись поближе.

Девочка продолжила булькать водой без единой эмоции на лице.

Такеру пришлось самому встать и подойти ближе.

— Эх ты, если хотела пойти, то так бы сразу и сказала... — с натянутой улыбкой сказал он.

— ...

Ляпис искоса на него взглянула, а затем вдруг схватила его за левую руку и прижалась к ней.

— Ляпис?

Такеру такое поведение удивило. Девочка довольно часто прижималась к нему, но такое рвение проявляла редко.

Подобное началась после разлуки в Академии Магии.

«Неужели она настолько мной дорожит?»

Ляпис что-то пробулькала, словно отвечая на его немой вопрос.

Слов мечник не разобрал, но она наверняка опять сказала «Ошибка».

Канария вернулась в комнату, даже не высушив волосы.

— ... — Девушка хмуро обвела взглядом комнату. — И что вообще я тут делаю? — спросила она сама себя и закусила губу.

Канария начинала жалеть, что последовала за Такеру.

Она не питала какой-то неприязни к 35-му взводу, однако их беспечное ко всему отношение лишь подстегивало ее нетерпение.

Даже сейчас ей хотелось отправиться в лабораторию алхимиков и разнести там все. Подавить это желание девушке не удавалось.

Так почему же она послушалась Такеру и вместе со всеми приехала сюда? Почему ее так тронули слова того, кто ничего не знает и не понимает? Почему ей захотелось поговорить с той, кто бросила ее мать и сбежала?

У нее не получалось быть честной с собой. Как только она видела ту девушку, спокойствие ее тут же исчезало. Чувства брали над ней верх, гнев рвался наружу.

А ведь ей тоже хотелось поговорить...

— Хватит... — Канария помотала головой, отбрасывая сомнения, затем достала из кармана леденец на палочке и сунула в рот. Когда сильный аромат мяты проник в нос, ей стало немного легче.

Девушка сбросила тапочки и ступила на соломенные маты. Подошла к магическому мечу Леватейну, который беззащитно стоял у стены, взяла его обеими руками, затем достала из ножен и посмотрела на алый клинок.

— Все нормально. Я справлюсь одна.

Леватейн — Священное сокровище, как и Мистелтейнн, однако во время Охоты на ведьм он был поврежден и утратил большую часть своих сил.

Как и в случае с другими Священными сокровищами, для владения этим мечом требовалась душа сильнее человеческой. Канария наполовину была лесным эльфом и обладала почти

эльфийской душой, поэтому спокойно владела этим мечом.

Ороти как-то обмолвился, что по разрушительной силе Леватейн превосходит даже Мистелтейнн.

Однако он не только утратил силу убивать богов, «облик Охотника на богов», но и даже завершённый «облик Героя» создать не мог. Матушка говорила, что душа и личность Леватейна в мече ещё сохранились, но Канария ни разу не слышала его голос. А если душа магического наследия не связана с его владельцем, то оно не проявит и половины своей силы.

Леватейн пока не признал в девушке своего владельца.

Канария прекрасно понимала, что если сейчас нападет на алхимиков, то просто погибнет.

— Эй, Леватейн, скажи что-нибудь, — раздраженно обратилась к мечу эльфийка.

Меч не ответил.

«Бесполезная неумеха», — так восприняла его молчание девушка.

— Черт!

Канария со злостью убрала меч в ножны и повернулась к двери. Но стоило ей открыть дверь, как она нос к носу столкнулась с той, с кем меньше всего хотела видеться. С Икаругой.

С волос ее стекала вода, юката прилипла к телу. Видимо, она торопилась обратно и как следует не вытерлась. Грудь девушки тяжело вздымалась — она явно спешила.

— Дай пройти.

— Куда ты?

— Не твоё дело. Мне тут делать нечего. С вами ничего не добьёшься. Пойду одна.

Икаруга опустила взгляд. Её сжатые в кулаки ладони дрожали.

— Ты, наверное, голодна? Останься, скоро принесут ужин. В компании еда вкуснее.

— Не хочу. Мне некогда. Дай пройти.

Канария попыталась протиснуться мимо Икаруги, но та вдруг схватила ее за руку.

Эльфийка хмуро к ней повернулась и тут же удивленно распахнула глаза.

Во взгляде Икаруги читалась невероятная серьезность.

— Постой... Не уходи. Тебе нельзя уходить.

— Пусти! Я не стану слушаться твоих приказов.

— Это не приказ... просто просьба... Я хочу поговорить с тобой.

— ! — Канария свободной рукой достала меч из ножен, приставила его к горлу Икаруги и бросила сквозь зубы: — Что тебе сейчас понадобилось?! Ты бросила маму, мне не о чем с тобой говорить!

— Канария...

— Не зови меня по имени! Меня так мама назвала! У тебя нет права меня так называть! — сердито закричала Канария.

Она хотела спокойно отказать Икаруге в разговоре, но ей опять завладели эмоции.

Так было всегда. Даже в Академии Магии она всегда быстро выходила из себя, из-за чего так и не завела друзей. Она плохо подбирала слова и совсем не понимала людей.

Когда Канария уже собиралась отвести меч от горла Икаруги, та вдруг схватилась за клинок Леватейна обеими руками.

Эльфийка пораженно распахнула глаза. Если бы она сейчас дернула меч чуть сильнее, то просто отрубила бы Икаруге пальцы. У той с ладоней и без того уже капала кровь.

— Можешь отрубить мне пальцы или проткнуть горло. Это малая плата за то, чтобы ты меня выслушала.

— Не неси бред...

— Я серьезно. Если я сейчас тебя отпущу, то не смогу потом в глаза Иске... Я скорее умру, чем отпущу тебя, — посмотрела ей прямо в глаза Икаруга.

Взгляд Канарии дрогнул.

— Ты... это нечестно...

— Да. Я тоже так думаю. Но если ты не хочешь меня убивать, то прошу, выслушай...

— ...

— Пожалуйста...

Кровь Икаруги сбежала по клинку к руке Канарии.

Когда кровь уже почти коснулась ее, эльфийка выпустила меч.

Пять минут спустя.

Икаруга усадила Канарию за котацу и принялась вытирать ей волосы полотенцем.

Канария молча сносила смущение вперемешку с унижением.

— Что ты делаешь?..

— С мокрой головой и простудиться недолго.

— Ты же только поговорить хотела...

— Посиди смирно, я почти закончила.

Канария надулась, но послушалась.

Икаруга едва заметно улыбнулась и продолжила тщательно вытирать ее волосы. Раны на ее руках зажили мгновенно, стоило только намочить их в воде из источника.

Она сама считала чудом, что ей вот так довелось коснуться волос Канарии.

Она всегда считала, что алхимики решили избавиться от Канарии, но, похоже, Иска каким-то образом добилась того, чтобы ей сохранили жизнь.

Прошло уже пять лет. Канария, похоже, считала, что имя ей дала Иска, но на самом деле это была Икаруга.

Разумеется, говорить о подобных глупостях Икаруга не собиралась. Она сама не считала себя матерью Канарии, не думала, что сможет стать ею, и, откровенно говоря, вообще не представляла, что значит «быть матерью».

Но эта девочка родилась из-за ее ошибки, и она не могла просто позволить ей умереть.

— Ты уже такая большая. А тебе ведь и пяти еще нет.

— Ус-ко-рен-но-е взро-сле-ни-е. Я выросла быстрее, — пробурчала Канария, отворачиваясь.

Ускоренное взросление. Чтобы проводить эксперименты над клонами и мифологическими существами, рост их тела ускоряли с помощью медикаментов и магических наследий.

После таких процедур продолжительность жизни человека сокращалась до нескольких лет, однако с эльфами все обстояло иначе, поскольку они жили почти тысячу лет.

Однако нынешняя Икаруга подобного обращения все равно не одобряла. Боль эхом отдавалась у нее в груди.

— Ты совсем не похожа на пятилетнюю...

— Знания записали мне в голову. Я не ребенок и быстро учусь. Я умнее тебя.

С помощью различного оборудования можно было ускорить рост тела и записать в мозг информацию, но психологический возраст от этого не менялся. По поведению и речи Канарии было очевидно, что она по-прежнему пятилетняя девочка.

Будь она обычным ребенком, то сейчас ходила бы в детский сад.

— Прости.

— За что?

— Из-за меня алхимики обращались с тобой как с лабораторной мышью. — Голос Икаруги чуть

дрожал от осознаваемой вины.

Времени удивляться у нее не было. Извинение ничего бы не изменило, но все равно заставляло напрячься, поскольку Икаруга все это время винила себя в бедах Канарии.

— Вовсе нет.

— Э?

— Мама защитила меня. Ни один другой ученый меня не трогал, никогда.

А вот об этом Икаруга слышала впервые. Ей всегда казалось странным, что распоряжение избавиться от Канарии вдруг отменили, но она и не предполагала, что за девочку вступилась Иска.

Она даже представить не могла, какие же отношения были у Иски и Канарии, но чувствовала, что между ними прочная и редкая связь.

— Что ты хотела делать после встречи со мной?

Икаруга не нашлась с ответом сразу, но чуть погодя закрыла глаза и сказала:

— Искупить свою вину. Даже я чувствую ответственность за твое создание. Я играла с жизнью... неосознанно, но факта это не меняет.

Канария стиснула кулаки. Плечи ее задрожали от гнева.

Икаруга ожидала подобной реакции на слова об искуплении, но иначе сказать не могла.

Она бы даже при угрозе жизни не сказала бы ничего с материнской любовью. Потому что не понимала, что значит быть матерью, не знала боли, сопровождающей рождение ребенка, и не считала не связанную с ней по крови девочку своим ребенком. Ее разум не был затуманен любовью.

Чувство вины, ответственность и сожаление. Только эти чувства Икаруга испытывала в отношении Канарии.

Потому что так и должно быть.

— Я действительно сбежала, бросив тебя и Иску. Из-за моего побега она страдала. И погибла тоже из-за меня.

— ...

— Иска пыталась тебя защитить, и я тоже сделаю ради этого все возможное, потому что ты единственное, что осталось после нее. Можешь меня ненавидеть, я не против... Просто позволь быть рядом.

Икаруга и сама понимала, насколько неуклюжи ее слова.

Любой человек, не только Канария, разозлился бы, услышав такое.

Икаруга всегда считала, что в любой ситуации останется спокойной, но даже представить не могла, что в такой момент сможет выдать лишь такие слова.

Канария тем временем уже разжала кулаки и, опустив голову, спросила:

— Ты считаешь себя моей матерью?

— Нет... Твоя мать — Иска. Я помогла тебе родиться только ради того, чтобы использовать.

Канария убрала полотенце с головы Канарии и крепко его сжала.

— Не ври. Я знаю. Мама говорила. Вы создали меня вместе.

— Ну...

— Но моя мама — только мама. Про тебя я даже при смерти так не подумаю. Никогда тебя не прощу.

После таких слов Икаруга не смогла раскрыть правду о том, что перед побегом она пыталась помочь Иске и Канарии. Что Иска отказалась, а для Канарии уже было поздно.

Но Икаруга действительно бросила их и сбежала.

А ведь она могла просто потащить Иску за собой. А Канарию приняла за мертвую просто из-за конфеты на полу, хотя могла проверить тело.

Она пыталась спасти их, но действовала недостаточно решительно.

Канария встала из-за котацу и направилась к двери.

Леватейн остался у стены.

— Если хочешь быть рядом, будь. Только не мешайся. Мне нет до тебя дела. Живи как хочешь, умирай как хочешь, — резко бросила эльфийка.

И все же Икаруга обрадовалась ее ответу. От облегчения она невольно расслабила напряженное лицо.

— Этого достаточно. Спасибо.

Канария промолчала и быстрым шагом направилась к двери.

Икаруга посмотрела ей в спину, а затем неуверенно начала:

— Твое имя...

— ...

— Я слышала от Иски, что имя «Канария» она взяла из книги с картинками... Так звали птицу, канарейку, которая любила людей и сама стала человеком.

— И что?

— Канарейка — это птица в клетке, но девочка в книге прожила жизнь как человек и обрела счастье. Иска наверняка хотела, чтобы ты тоже его обрела, когда давала тебе похожее имя.

— ...

— Я тебе ничего дать не могу... но Иска о тебе заботилась как следует.

Канария молча взялась за дверную ручку, распахнула дверь и вышла.

Оставшаяся в комнате Икаруга опустила протянутую руку и повесила голову, затем закрыла лицо рукой и вздохнула.

— О каком счастье ты говоришь... Не носи вздор. Не ври.

Икаруга спрятала лицо, устыдившись собственных слов.

Два раза она все-таки соврала.

Во-первых, имя девочке дала не Иска, а она сама.

А во-вторых, она не желала девочке счастья, когда называла ее.

— Вины ты тогда не испытывала... но хотя бы имен под влиянием момента не давала... Дура.

Икаруга до боли прикусила губу, словно в наказание. Сейчас ей хотелось только того, чтобы Канария никогда не узнала о том, что имя ей дала совсем не Иска.

Потому что тогда она будет выглядеть полной лицемеркой.

<http://tl.rulate.ru/book/101721/3793497>